ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

"ONE CHURCH"

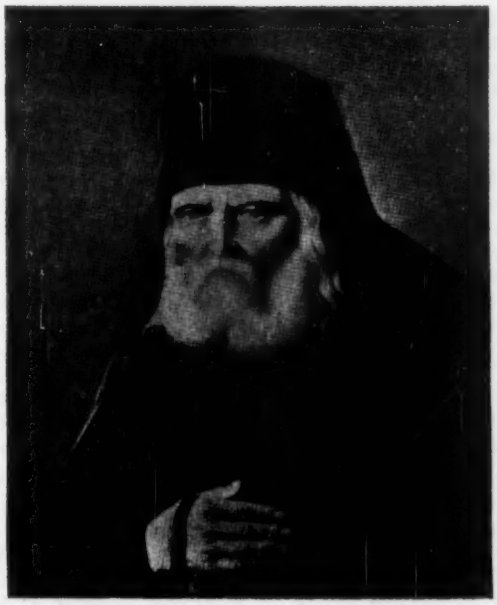
Vol. 7 No. 6 June 1953 Price 25¢

К ПРОСЛАВЛЕНИЮ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО

СЕРАФИМА

САРОВСКОГО ЧУДОТВОРЦА

1903



1953

СОБОР БОЛГАРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА В БОЛГАРИИ

С 8-го по 10-е мая в Софии заседал всеболгарский Поместный Собор, на котором было вынесено решение о восстановлении патриаршества в Болгарской Православной Церкви. После 560-летнего перерыва был восстановлен болгарский патриарший престол. Новым первосвятителем Болгарской Церкви был избран Митрополит Плодивский Кирилл, которому присвоен титул «Патриарха Болгарского, Митрополита Софийского». Святейший Кирилл был торжественно интронизирован в величественном Александро-Невском кафедральном соборе гор. Софии.

На церковные торжества в Софию прибыли многочисленные церковные делегации. Патриарх Александрийский Христофор и Патриарх Иерусалимский Тимофей приветствовали новоизбранного Патриарха Кирилла поздравительными грамотами. Патриарх Антиохийский Александр III был представлен на Соборе архимандритом Василием (Самаха). От Русской Православной Церкви — прибыли: Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, архиепископ Минский и Белорусский Питирим и священник о. М. Чуб; от Грузинской Православной Церкви — епископ Батумский Гавриил; от Румынской Православной Церкви — Святейший Патриарх Юстиниан, Митрополит Фирмилан, епископ Феоктист, протоиерей о. Ионеску и д-р Овидиу Марина; от Польской Православной Церкви — Блаженнейший Митрополит Варшавский и всея Польши Макарий и протоиереи о. Николай Левчевский и о. Николай Нехлековский; от Чехословацкой Православной Церкви — Блаженнейший Митрополит Пражский и всея Чехословакии, епископ Мефодий и протоиерей о. Чудиш.

Собор был открыт Наместником Экзарха всея Болгарии Митрополитом Пловдивским Кириллом. В день избрания Патриарха председательствовал Митрополит Ловчанский Филарет. Согласно уставу Болгарской Православной Церкви были объявлены имена трех кандидатов, избранных Священным Синодом: Митрополита Пловдивского Кирилла, Митрополита Видинского Неофита и Митрополита Старозагорского Климента. Из 107 избирателей (52 представителя духовенства и 55 представителей мирян) 104 голосовало за Митрополита Кирилла. Из Синодальной Палаты члены Собора во главе с нареченным Патриархом перешли в кафедральный храм-памятник, где после торжественной литургии старейший из болгарских архиереев Митрополит Неофит вручил Патриарху Кириллу знаки патриаршего достоинства.

Святейший Патриарх Болгарский, Митрополит Софийский Кирилл (в миру Константин Марков) родился в 1901 г. в г. Софии. Он окончил Софийскую Духовную Семинарию и богословский факультет Софийского Университета. Монашество он принял в 1923 г. Был преподавателем Софийской Духовной Семинарии и занимал ответственные должности при Св. Синоде Болгарской Церкви. С 1938 г. по 1953 состоял Митрополитом Пловдивским, а с 1952 г. и Наместником-Председателем Св. Синода. Известен своими трудами в области церковной истории.

ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

Официальный ежемесячный журнал
Экзархата Русской Православной Церкви в Америке
Главный Редактор — С. И. Гусев-Оренбургский

Подписка на год — 3 доллара. За-границу — 4 доллара. Отдельный номер — 25 центов.

One Church

15 East 97th Street, New York 29, N. Y. Tel.: AT 9-1915.

Official Journal of the Russian Orthodox Catholic Church.
Publisher: Archdiocese of the Aleutian Islands and North America.
Editor in Chief: S. I. Gussiev-Orenburgsky.

Subscription in U. S. $3.00; Abroad $4.00 per year. **Single issue: 25 c**

Editorial Board:

Archbishop Adam
S. I. Gussiev-Orenburgsky
Prince A. M. Putiatin
N. V. Stember
Rev. D. Abramtsov
P. A. Krochta.

ХУЛА НА ДУХА

Страшное богохульство извергают уста отпавших от Церкви Христовой ренегатов!

В журнале, издаваемом последователями карловацко-анастасиевского раскола под совершенно неуместным и просто непонятным заглавием «Православная Русь», содержатся вещи жуткие. И не без жути воспроизводим мы их. Но, видимо, пришло время для ознакомления христиан с неистовством отступников. Одна из «статей» вышеуказанного журнала начинается словами: «Страшное время переживаем мы». Воистину! И страшное время это приводит слабые души к великим падениям. Внешнее зло сотрясает их и внедряется в них, сливаясь с тем, что было темного и греховного в душах этих. И результатом оказывается не просто помутнение рассудка, не только то, что называется сумасшествием, а тот вид душевного недуга, которому имя одержимость, бесноватость.

Крестным знамением да осенит себя читатель! Вот один абзац из журнала новых сектантов нашего времени: «И можно без обиняков сказать: мерило дано нам безошибочное, применительно к которому можно легко испытать духовную ориентировку человека. То — отношение к так называемой «Советской Церкви», к Московскому Патриархату, в его международной значимости. И как неутешительны результаты наблюдения над миром, под этим углом зрения: в лапы к Дьяволу несется мир — тоже без обиняков можно уже сказать».

Вот значит выдержка, цитата... По мнению журнала (об этом дальше и говорится) западное христианство — как «впервые вселенски организующийся протестантизм», то-есть экуменическое движение, так «и привычно-вселенский католицизм» «объединяются на одном: нарочитое внимание их обращено к Православию, и это Православие видят они сосредотачивающимся вокруг современной Москвы». Сектантов-карловчан это беспокоит и озлобляет. Но, отмечают они, «аналогический процесс наблюдается и в свободном мире православном: двусмысленно отношение **всех*** (кроме нашей Церкви) **свободных*** Православных Церквей к Московскому Патриархату! Это надо сказать, прежде всего, о тех отраслях Русской Церкви, которые, находясь за рубежом, никогда не имели мужества начисто духовно отвергнуть советскую анти-Церковь, а, встав, было, в прямое ей подчинение, спасения от практических последствий такого подчинения ищут в разных компромиссных и канонически-фальшивых установках своего церковного бытия. Это надо сказать и о всех остальных Православных Церквах: над **всеми*** темной тяжестью лежит та или иная связь их с Советской Лжецерковью, ибо ни одна не имела духовной прозорливости различить и мужества обличить ее сатанинскую природу.

Итак, договорились! У Святой Матери нашей Русской Православной Церкви «сатанинская природа»!!! Никто во всем мире не имел «духовной прозорливости» «различить» и никто не имел «мужества» «обличить» эту «сатанинскую природу». Никто, кроме, конечно, карловчан. Со свойственной им «духовной прозорливостью» и «мужеством» они не колеблются перед обличением и «всех остальных Православных Церквей». Заодно «обличают» зарубежные «отрасли» Русской Церкви и даже «впервые вселенски организующийся протестантизм» и «привычно-вселенский католицизм». «Обличение», обращенное ко всем, всем, всем, с одной стороны. А с другой — само-

* Звездочками отмечены слова, напечатанные курсивом самим цитируемым журналом.

любование нераскаянных блудных сынов, гордых именно тем, что никто другой кроме них («кроме нашей Церкви») не имеет «мужества» возносить ужасающую хулу на их же Святую Мать! Вот — хула на Духа Святого, которым живится Тело Христово-Церковь. Вот и объяснение страшного дела этого: гордыня (только мы, де, имеем прозорливость и мужество и смеем изрекать поругание против святыни).

Даже и этим не ограничивается журнал, с таким же бесстыдством именующий себя «Православной Русью». Ругнув Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского за то, что он присоединил свое прещение к прещению Святейшего Патриарха Московского в отношении раскольничьего клира, журнал позволяет себе «без обиняков» говорить о «процессе дальнейшей кристаллизации антихристова фронта в среде Православных Церквей свободных». Оказывается, карловчане ожидают раскола во всех Православных Церквах и даже в инославных религиозных группах всего мира! «Должна будет ощущаться действительными христианами потребность церковно-канонически обособиться — отвращаясь от Антихриста и обращаясь к Христу. Аналогичный процесс не может не возникнуть и в мирах католическом и протестантском, из области подспудной вырываясь на поверхность церковно-общественной жизни и создавая совершенно новую духовную атмосферу во всём мировом христианстве свободного мира».

Это уже, можно сказать, букет фейерверка. «Мы» и только «мы», имеющие «духовную прозорливость» и «мужество», «церковно-канонически» обособились уже... Другие последуют за «нами»... Подспудное «вырывается» на поверхность... Подлинно вулканическое извержение! Миры католический и протестантский будут захвачены им. И создастся совершенно новая духовная атмосфера во всём мировом христианстве. И почему всё это? Только потому, что несколько десятков тысяч озлобленных политических эмигрантов, вздумали «церковно-канонически обособиться» от Церкви Христовой, которую не одолеют и врата адовы? Только потому что во главе этих несчастных изгоев оказалась кучка политиканов, для которых политические жупелы их времени заслонили непреходящую Церковь Христову? Только потому что эти жалкие безумцы «разрешают» Телу Христову жить и творить дело спасения только под их собственным флагом? И из-за этой вот мелюзги и ее страстишек, оказывается раздерется завеса церковная и создастся новая духовная атмосфера во всём мире?..

Вышеприведенные дикие выпады против Церкви со стороны людей, когда то принадлежавших к ней, имеют все отличительные признаки сектантского мышления (если только можно назвать мышлением такой бред). Еще раз выявлено то, что было известно не со вчерашнего дня: бывший карловацкий раскол, по упорству его, неспособных к раскаянию, возглавителей, по необузданной их гордыне и по укоренившейся уже в них привычке противопоставлять самих себя Церкви — и собственной Матери-Церкви, и всему вселенскому Православию, и даже всему христианству во всем мире, — постепенно превратился в секту. В той же статье их журнала это подтверждается, как и всё у них, «без обиняков»: в ней утверждается, что «Соборная Зарубежная Церковь» оказалась «церковно-каноническим обнаружением **истинного*** Русского Православия». И вина всего мира в том, что он этого не понимает, не видит. Именно сектантское — и по духу, и по форме — озлобленное и «обиженное» самоутверждение. Карловчане — секта, как какие-нибудь «логично мыслящие» отрицатели Божественной Троичности «унитарии» или «свидетели Иеговы», которые предаются на этих днях шумной и широковещательной рекламе, обещая удивить население Нью-Иорка каким-то своим «религиозным» съездом с речами о наступающем конце света и сотнями тысяч сандвичей на спортивном стадионе.

Жаль, что в православной среде могли воспитаться такие несуразные обскурантисты и злобствующие изуверы. Правда, мы уже знали «хлыстов» и «скопцов». Жаль, что Православие допустило возникновение таких сект. Жаль самих сектантов, вообразивших, что они одни правы наперекор всему христианству. Известно, однако, что все начинающиеся секты считали себя центром вселенной. Но нет худа без добра. Удерживать таких людей в лоне Церкви было бы несомненно вредно. Они — фермент смуты. Божественный Промысел позволил Церкви очиститься от одержимых Аввакумов семнадцатого столетия. С времен Аввакума не слышно было такой хулы на Церковь на русском языке. И вот Божественный Промысел позволил Церкви очиститься теперь от редакторов «Православной Руси». Слава Богу за всё! Церковь Русская в период великих испытаний очистилась от всего наносного, чуждого и «казенного». Остатки этого «казенного» элемента, как раз, и не желают угомониться. Но их-то дни сочтены. Так что, если новая секта и содействует своим возникновением очищению православной среды, то это не значит, что самой ей, секте этой, суждено существовать больше одного-двух человеческих поколений. Им и теперь бы не заполнить большого стадиона и те же «свидетели Иеговы», имеют все шансы пережить неистовство карловацко-анастасиевской секты.

Но в рядах сектантов немало сбитых с толку и просто забитых людей — малых сих, о которых нельзя не скорбеть никакой душе христианской. Если богохульство и кощунство вожаков вызывает одно негодование и брезгливость, то трагическая судьба заведенных в тупик простых мирян и даже рядовых клириков, заслуживает братского сострадания православных. И помощи их. Русская поговорка говорит: «у кого что болит, тот о том и говорит». Наши читатели имели возможность прочитать подлинные словоизвержения карлов-

чан. Когда люди дерзают называть «сатанинской» природу Церкви, которая исповедничеством своим, крестоношением и благодатной евхаристической жизнью, привлекает благоговейное внимание всего современного христианства и подает едва ли не единственную надежду на возрождение христианского мира, то мрачная тень сатаны вырисовывается явственно за плечами этих самых людей. Их же собственные слова дают повод назвать их духовный недуг бесноватостью. Бесы! «Род сей изгоняется молитвою и постом», сказал Господь наш Иисус Христос. Преодолев понятный гнев и негодование, вызываемые безобразным кощунством хулителей Церкви, должны мы найти в себе силу нелицемерной молитвы за них. В Божественной литургии мы привыкли бесстрастно слушать слова, переданные нам из глубокой древности христианской, когда они имели вполне реальный смысл. Это слова ектении об оглашенных. Сектанты не могут быть приравнены к оглашенным, просящим о соединении с Церковью. Но кроме чина об изгнании бесов нет молений более приближающихся к нуждам нашего времени. О впавших в страшное искушение, о соблазненных отступниками, о хулителях Церкви Христовой и Духа Божия, живущего в ней, вернии, помолимся, да Господь помилует их... огласит их словом истины... открыет им Евангелие правды... соединит их Святей Своей Соборней и Апостольской Церкви.

Но согласимся с ними в одном: страшное время переживаем мы. Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!

«Единая Церковь»

СВЯТОЙ АПОСТОЛ ПАВЕЛ, КАК БЛАГОВЕСТНИК ЛЮБВИ И МИРА

(Ко дню памяти — 29 июня/12 июля)

С именем этого Апостола у нас всегда соединяется история чудесного распространения христианской веры в самой густо населенной и наиболее культурной части греко-римского мира — Малой Азии, Греции, Македонии, Риме и островах Крите и Кипре.

Апостол Павел был глубочайший христианский мыслитель, так как в своих боговдохновенных посланиях он не только раскрыл догматико-вероучительные и нравоучительные истины веры Христовой, но и дал целостное христианское миросозерцание.

Для лучшего понимания проповеди Ап. Павла нужно представить себе, какова была культура греко-римского языческого мира того времени. Жизненным нервом этой культуры, бесспорно, был крайний эгоизм, который нашел свое выражение во всех сторонах древне-языческого мира и, прежде всего, во взаимоотношениях между государствами, между слоями общества внутри отдельных государств и в личной семейной жизни граждан. Поработить и подавить своих соседей — вот основная тенденция международных отношений в древнеязыческом мире. Понятия — самоопределение народностей, развитие национальностей, с чем мы так сроднились, были чужды и непонятны древнеязыческому миру, который не знал мирного сотрудничества отдельных государств. Напротив, сильные государства старались поработить себе более слабые народы.

Тот же крайний эгоизм мы наблюдаем и во взаимоотношениях социальных слоев древнеязыческого мира, который знал только свободных и рабов. Первым принадлежало всё, вторым — ничего. Раб считался не человеком, а вещью. За убийство своего раба свободный не отвечал, а за убийство чужого раба нёс лишь материальную ответственность. Рабы были лишены и политических, и гражданских, в том числе, имущественных прав.

Контингент рабов вербовался из покоренных народов. Рабов было так много, что в период греческого владычества (век Перикла — пятый до Р. Х.) на одного свободного грека приходились два раба; то же было и в Риме в период его всемирного господства. Особенно много рабов было в крупных городах: в греческом Коринфе из семисот тысяч населения было пятьсот тысяч рабов; в Риме, имевшем более миллиона жителей, рабов и вольноотпущенников из рабов было так много, что коренные римляне терялись в гуще рабского населения.

Рабы, как скот, продавались на невольничьих рынках с дощечками на шее, в которых указывались — возраст раба, его свойства и достоинства. На главном невольничьем рынке острова Делоса ежедневно продавалось по несколько тысяч рабов. А рабы-гладиаторы должны были умирать ради потехи публики, сражаясь друг с другом.

Рабство так вошло в сознание древнеязыческого человечества, что никто из свободных не возвысился до представления о том, что раб такой же человек, как и все свободные. Величайшие философы древности — Платон и Аристотель считали рабство нормальным явлением. Аристотель говорил, что все варвары, т. е. не-греки, должны быть рабами и что рабство — вечный закон природы. Платон делил всех людей на свободных, которые обладают рассудком, и рабов, которые могут исполнять приказания господ. Эти философы, давшие проекты «идеального государства», необходимым условием его существования счита-

ли рабство; свободные должны заниматься политикой, философией, наукой, а средства для их существования должны давать рабы.

Тем же эгоизмом была проникнута и семейная жизнь в древнеязыческом мире. Семьи в нашем смысле древнеязыческий мир не знал: жена была на рабском положении.

Крайний эгоизм пронизывал и мораль древнеязыческого человечества. Такие добродетели человеческой души, как сострадание и милосердие обычно считались малодушием. Так, в римских цирках поверженные на землю гладиаторы обычно добивались победителями по приговору зрителей, опускавших палец руки вниз.

Древнеязыческая мораль знала слово «любовь», но эта любовь означала не самопожертвование ради ближнего, а чувственную страсть к телесной красоте. Лишь эллинизм на высших ступенях своего развития (Сократо-платоновская философия) возвысился до понятия любви, как духовного восторга, или экстаза, при философско-поэтическом созерании идей, но и эта любовь не имела ничего общего с христианским саомопожертвованием.

Таков был духовный облик языческого мира, с которым столкнулся Ап. Павел при насаждении христианства.

В учении Ап. Павла раскрывается идея о спасении человеческого рода через Искупительную Жертву Богочеловека, Христа Спасителя, примирившего человека с Богом. По Апостолу, мир в его совокупности есть откровение всемогущества и премудрости Божией, о чем свидетельствует гармония, наблюдаемая как в физической природе, так и в человеческом духе (Римл. I, 19—20; Деян. 17, 27—28).

«Когда пришла полнота времени» и человечество осознало невозможность спасения собственными средствами, «Бог послал Сына Своего (Единородного)..., чтобы искупить подзаконных, дабы... получить усыновление» (Гал. 4, 4—5) разрушить средостение между человеком и Богом и сочетать небесное и земное воедино (Ефес. 2, 14—15; Колос. 1, 20). Христос умер за людей и беспримерным подвигом любви искупил их от греха, возродил к новой жизни. Это возрождение человек получает через веру во Христа, через восприятие Его всем внутренним существом: «Кто во Христе, — говорит Апостол, тот — новая тварь; древнее прошло, теперь всё новое (2 Кор. 5, 17).

Результатом искупительного дела Христа явилось примирение человека с Богом и снисхождение Бога к человеку, следовательно, и внутреннее умиротворение человека (Римл. 14, 17; Гал. 5, 22—23) и прекращение неприязни (2 Кор. 2, 20).

Мир, ниспосланный Христом Спасителем, есть Царство Божие на земле, созидаемое в Церкви Христовой. Церковь Христова есть форма христианского общежития для осуществления Царства Божия на земле. Осуществляя мир и любовь, Церковь должна так соединять своих членов, чтобы они представляли собой, по единодушию и единомыслию, единый организм (Ефес. 4, 1—3; Римл. 12, 4—5 и др.). Церковь чужда всякого неравенства или предпочтения одних перед другими. Если основой языческого общества была расовая и национальная исключительность, то в Церкви Христовой нет и не может быть деления на эллинов, иудеев, варваров и скифов, так как «один Господь у всех» (Римл. 10, 12; Гал. 3, 28; Колос. 3, 11). Если социальные отношения в языческом обществе утверждались на резко выраженном неравенстве свободных и рабов, то в Церкви нет ни рабов, ни свободных, но «новая тварь», которая во Христа крестилась, во Христа облеклась (Гал. 6, 15; 3, 27).

Какой новизной и каким благоуханием веяли и веют эти призывы Апостола о перевоспитании человека, о преобразовании семьи и общества, о создании «нового человека» на началах подлинного равенства, братства и свободы во Христе во имя посланного Богом на замлю мира!

Но Ап. Павел не был социальным и политическим реформатором: евангельское «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мрк. 12, 17) отражается в его учении о Церкви, как форме человеческого общежития. Отрицая расовую и национальную исключительность, на которой созидалось римское языческое государство, Апостол говорит о повиновении «властем предержащим», о богоучрежденности принипа власти: «нет власти не от Бога»; «противящийся власти противится Божию установлению» (Римл. 13, 1—2).

Призывая людей к внутреннему обновлению, созиданию нового человека, «нового творения» во Христе и возвышаясь над исторически сложившимся укладом государственно-социальных отношений, Апостол утверждал универсализм христианства на все времена и для всех народов.

Христианство, как религия любви и мира, должно, по Апостолу, внутренно преобразовать человека и через то обновлять социальные взаимоотношения людей вне зависимости от исторически сложившихся форм человеческого общежития.

Христианство, как религия любви и мира, имеет, по Апостолу, всемирное назначение, и оно должно соединить в одно целое и «близких» (иудеев, современных Апостолу) и «дальних», т. е. язычников.

Силой же, на которой должен покоиться и созидаться мир во всём мире, является христианская любовь, выражающаяся в жертвенности ради ближнего и в уничтожении эгоизма. Образцом такой любви является Искупительный подвиг Христа Спасителя: «Будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью, — пишет Апостол римским христианам, — никому не воздавайте злом за зло..., будьте в мире со всеми людьми...». — «Подражайте Богу..., — указывает он ефесским христианам, — и живите в любви, как и Христос и возлюбил нас и предал Себя за нас» (Римл. 12, 10 и 17—18; Ефес. 5, 1—2).

Итак, христианская любовь есть основа мира среди людей, и для упрочения этого мира необходимо воспитывать в людях любовь.

У Ап. Павла мы находим глубокое раскрытие с религиозно-психологической точки зрения понятия христианской любви и ее свойств, как нормы нравственной деятельности человека. Любовь по Апостолу, есть всецелая направленность душевных сил человека к Богу и ближнему, чуждая эгоизма, возвышающаяся до самопожертвования. В силу этого любовь составляет активное начало жизнедеятельности человека и основу его веры: христианская любовь есть «превосходнейший путь» христианского и общечеловеческого совершенствования (I Кор. 12, 31), и вера без любви есть «медь звенящая, или кимвал звучащий» (I Кор. 13, 1).

Каковы же свойства христианской любви по Ап. Павлу?

Укажем эти свойства, пользуясь, по преимуществу, собственными выражениями его.

1) Любовь — братолюбива, т. е. проявляется в самоотверженном служении своему ближнему без различия национальности и социального положения людей (Римл. 12, 10). Если в язычестве любовь ограничивалась преимущественно любовью к любящему, и в иудействе — к любящим Бога и израильтянина-еврея и допускала вражду и проклятие ко врагам Бога и близких, то в христианстве она расширяется до любви к врагам (Мф. 5, 44).

2) Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует (I Кор. 13, 4), т. е. полная жертвенность для ближнего исключает возможность какого-либо нехорошего пожелания против ближнего, а отсюда ее долготерпение и милосердие к ближнему.

3) Любовь не превозносится, не гордится (I Кор. 13, 4). Гордость и надменность — превозношение пред другими, заставили греков и римлян, как представителей языческого мира, разделить людей по признакам нации, социального положения и пола, т. е. на варваров и скифов, рабов и свободных, мужской пол и женский. Она же понудила иудеев разделить мир на Израиля и язычников, обрезанных и необрезанных, подзаконных и беззаконных (Римл. гл. 2, 3; Гал. гл. 2, 3, 4, 5 и др.) В христианской любви нет места гордости и надменности, так как все — одно во Христе Иисусе, все — братья во Христе.

4) Любовь не бесчинствует, т. е. не знает безобразия (I Кор. 13, 5). Для древнего грека-язычника всё, что нарушает понятие красоты, т. е. гармонию форм, — всё хилое, слабое, больное недостойно любви. Христианская любовь не взирает на физические недостатки человека, а видит в нем прежде всего его духовную красоту, его богоподобную душу, искупленную Кровью Господа.

5) Любовь не ищет своего (I Кор. 13, 5). Языческая любовь себялюбива, то же, хотя и в меньшей степени, относится и к любви древнего Израиля, так как она обосновалась на принципе «око за око», «зуб за зуб». Основа христианской любви — жертвенность, т. е. состояние, чуждое себялюбия.

6) Любовь не мыслит зла (I Кор. 13, 5; Римл. 12, 17—18 и 20—21; I Фесс. 5, 15). Не говоря о язычестве, даже в законе Моисеевом предписывалось Израилю зложелательство в отношении к врагам Бога и народа Божия (Втор. 23, 6). Для христианской любви зло, как отрицание добра, стоит за ее пределами. Христианская любовь на всё смотрит в свете добра, в ней нет противодействия злу злом, а есть лишь преодоление зла добром (Мф. 5, 39).

7) Любовь не радуется неправде, а сорадуется истине (I Кор. 13, 6—7). Область христианской любви — истина, добро и подлинная духовная красота; поэтому любовь только и может сорадоваться истине из всех проявлений человеческого духа. Христианская любовь своею милостью покрывает всё — от человека до ничтожного живого существа, всё согревает своею теплотою и освещает своим светом. Эта всеобъемлющая сила любви выражается во всех сферах духовной деятельности человека: в вере, надежде и воле. Вера имеет место в области созерцательно-разумной деятельности человека, любовь христианская дает силу вере в торжество истины и добра в жизни. Любовь христианская питает и надежду, утверждая ее во всепобеждающей силе добра над злом. Любовь воспитывает и волю человека в направлении терпения в достижениях, торжества в жизни добрых начинаний и доброго вообще.

Указанные Ап. Павлом свойства христианской любви возвышают ее до любви Божественной и делают ее необходимым условием всякого разумного бытия. Отсюда — неизбежный вывод, какой и делает Апостол: «любовь никогда не перестает» (I Кор. 13, 8), т. е. является основой человеческого существования, подлинной жизнью, которой без любви не может быть.

Таково учение Ап. Павла о любви, как основе мира в Церкви и человеческом обществе.

Это учение, посеянное среди многочисленных христианских общин Малой Азии, Греции, Македонии, Кипра, Крита и Рима, дало, как известно, обильные плоды: бывшие язычники — «сыны противления» — стали светом во Господе (Ефес. 5, 8).

В наше время, когда мир переживает кризис, Ап. Павел из глубины веков шлет нам свое предостерегающее слово и зовет к исполнению христианского долга — быть благовестниками и ратоборцами мира во всём мире: «И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши..., и Бог мира да будет с вами» (Филип. 4, 7 и 9).

Свящ. Н. Никольский

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОСЛАВЛЕНИЯ ПРЕП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Пятидесятилетие прославления преподобного Серафима Саровского должно бы стать всемирным празднеством, великим праздником всего человечества. Оно и будет торжеством вселенским в смысле мистическом, таинственно-божественным. Чин ангельский будет ликовать незримо для большинства людей — наших современников. Ибо зримый, вещественный мир с человеческим населением его во зле лежит. Ибо «князь мира сего» — диавол собирает все более обильные жатвы ненависти. Ибо бурлит, свирепствует, клокочет «лютое телес озлобление». И сам сатана, верховодец человеческой ненависти, разделения и смерти, как писал более ста лет тому назад великий христианин и гениальный писатель-провидец Гоголь, «явился в мир уже без маски».

Светлый юбилей Православной Церкви, 50 лет тому назад прославившей святого саровского Старца, отпразднует с напряженным молитвенным подъемом наша Мать Церковь Русская прежде всего. Это — ее торжество по преимуществу, так как чествуется память ее великого сына — святого, какого не знало новое время, какого, быть может, никогда еще не знала вся история христианского мира. Преподобный Серафим — совсем «особый» святой. «Наставником монахов и собеседником ангелов» назвала его Святая Церковь.

Наставниками монахов были все великие преподобные. Сначала отцы-пустынножители Египта, Палестины, Сирии, затем Афона, начиная с Антония Великого, Саввы Освященного, Макария Египетского, Феодосия Великого. Запад знал много святых, прославивших различные типы святости, но преподобных на Западе было сравнительно очень мало. И причин тому много. Наиболее замечательным западным преподобным был великий отшельник и наставник Франциск Ассизский. Но это конец двенадцатого века и начало тринадцатого.

Ряд преподобных наставников явило русское Православие, начиная с Антония и Феодосия Печерских. Самым славным из них без сомнения был преподобный Сергий Радонежский. Но и он жил в четырнадцатом веке. В пятнадцатом и шестнадцатом столетиях ученики преп. Сергия и ученики его учеников выделяются на всем русском Севере, как «наставники монахов». Их множество. Отметим центральные фигуры свв. Кирилла Белозерского, Дионисия Глушицкого, Зосиму и Савватия Соловецких, Нила Сорского и на украинском юго-западе древней Руси — преп. Иова Почаевского

Затем постепенно, под мощным натиском мира сего и зла его, ослабевает самая традиция «спасения в ангельском чине», редеют ряды иноков и истощается сила иночества. Грех продолжает наступать, святость постепенно отступает. Если, с одной стороны, мирские соблазны подтачивают монастырскую жизнь изнутри, то, с другой стороны, ей наносятся тяжкие удары и извне.

Теперь в определенных кругах принято огульно идеализировать положение нашей Церкви и, в частности, монастырской ее жизни в предреволюционные столетия. Забываются гонения на православное духовенство в восемнадцатом веке в годы торжества «немецкой партии». Не учитывается, что даже в царствование Екатерины гонения эти продолжались, в менее грубой форме, но, пожалуй, с бóльшими результатами. Достаточно напомнить об указе 1764 года, которым было уничтожено 80 процентов всех русских монастырей (из 947 монастырей, существовавших тогда в Российской империи было оставлено 161; прочие были либо закрыты совсем, либо упразднены, как общежительные обители и обращены в приходские храмы).

Тем значительнее, тем знаменательнее, тем разительнее явление во второй половине светски столь деятельного, стремительного, но многогрешного восемнадцатого столетия нового «наставника монахов» — преп. Серафима. В его лице уже не только наставник монахов, поднялся в рядах угодников Божиих, в Земле Русской просиявших. Преподобный Старец саровский — «собеседник ангелов». Это величание его выражает самую сущность его святости. В век пышного расцвета гуманизма, в век самоутверждения человеческого гения и гордыни его, из которой зародятся чудовищные смуты, тяжбы, столкновения, брани и побоища нашего времени, в этот самый век народится в мир праведник, для которого беседа с Богом и ангелами Его станет естественным и доступным делом. Столь же естественным, как было оно в глубокой древности среди пророков и патриархов библейского мира, когда, несмотря на первородный грех, еще не было нарушено какое-то первичное духовное равновесие между Богом-Творцом, тварной природой, через дыхание Духа Божия продолжающей дело творения, и человеком — возлюбленным и избранным, но самым трудным и неблагодарным из созданий Вседержителя.

То, что было так просто и обычно для праотцев, как Авраам, становится столь же простым и обыч-

ным в дремучем саровском бору, в глухом бездорожьи за старыми муромскими лесами, за Касимовом, где некогда ютилось подвластное Москве искусственное татарское царство, в недрах земли мордовской. Там со скрипом покачиваются огромные красностволые сосны под высоким, недоступным куполом из темной хвои, там растут лишь грибы, да на полянках под молодым березняком гнездится душистая земляника и изредка на сыроватом месте затемнеет густая поросль орешника со светлыми орешками, туго обернутыми в зеленую бахрому. Там, с ветки на ветку скачут белки, робко и бесшумно шныряют зайцы с трепещущими ноздрями, то и дело пригибая одно ухо и прислушиваясь к таинственным звукам леса, трещат сухие сучья под тяжестью ощетиненных и воинственных кабанов, с шуршанием гнутся ветви, раздвигаемые неуклюжим бурым медведем, который потопчется на месте, пройдется кругом вразвалку, почешет себе лапами морду и побредет промышлять дальше в бескрайнюю глушь без конца и начала.

В этой живой пустыне праведный Старец заведет беседу с Богом. Он отвоюет себе упорством подвижничества своего ту область подлинной жизни, которую давным давно утратили люди. Наедине, лицом к лицу с природой, он узрит лик Божий, потому что научится стяжать благодать Духа Божия. «Дела, как ступени, ведут к созерцанию», объяснил это явление Григорий Богослов. Этот новый Авраам в лесных дебрях России удостоится видений, которых человечество не знает уже с библейских веков. Божия Матерь явится ему двенадцать раз. Люди потянутся к нему тысячами и десятками тысяч, отыщут его в его уединении. Многие увидят его самого преображенным, физически просветленным неземным светом. Ослепительно белый в чудесном сиянии Преподобный оправдает свое иноческое имя и станет серафимом во плоти.

И в век омирщвления Руси, в век отступничества русских людей и поглощения их западным культом бренных, преходящих удобств и развращающих земных сокровищ, в век зараженности их «страстями ума», по обличительному слову Гоголя, в век звериной борьбы за рынки, сырье, моря и колонии, воссиял этот светлый образ Праведника, способного уравновесить на чашах весов Промысла Божия горы грехов людских, способного так просить Господа, что ему и через него дастся, способного так стучаться в врата Господни, что ему и через него отверзется, способного вывести из тупиков на верный путь к спасению великое множество слепых, хромых и заблудившихся. Поэтому взывает Русская Церковь: «Радуйся, светильниче Российския земли!» Поэтому зовет она: «Взыграйте православных множества, предивного Серафима имуще в бедах заступника!».

Могущественны праведники в деле спасения других людей. Ради них прощает многих Всевышний в долготерпении Своем. Счастливы народы, в

которых рождаются праведники. Некогда Господь готов был пощадить захлебывавшиеся в скверне Содом и Гоморру ради двадцати праведников... Давно не рождалось среди смертных людей праведников, как Серафим Саровский. За годы своего подвижничества в лесах саровских он постепенно, через многотрудные этапы молитвенного отшельничества, мученичества, поста и столпничества, затвора и молчальничества, исповедничества и освященного старчества, превратился в чудотворца. Чудеса его, «умножившиеся яко звезды небесные», «невозможно есть исчислити», как говорится в молитве акафиста ему. Но чудеса его спасли не только индивидуально великое число отдельных людей, обращавшихся и еще обращающихся к нему. Главным чудом его было накопление силы Света, стяжание такого живительного запаса благодати Духа Святого, которого было бы достаточно, чтобы просветить, омыть и освятить грешную жизнь его народа и всего человечества. Благодаря преподобному Серафиму лес саровский стал местом всемирного значения.

«Се бо ко всем концем земли нашея людям Божиим являешися», обращается к нему Церковь и молится ему: «О претихий и кроткий угодниче Божий, дерзновенный к Нему молитивенниче, николиже призывающия тя отреваяй, вознеси от нас благопомощную твою молитву ко Господу сил!..». В этом значение Преподобного для всех нас, для мира — он возносит от нас, от нашего имени и от наших скорбей и нужд молитву свою, которая столько может. Светлый саровский Старец — духовный богатырь, способный нести на плечах своих великую мировую ношу. Поэтому, в наше трудное, сложное время празднуя годовщину причисления его к лику святых, мы можем достичь столь многого, повторяя молитвенное призывание: «Спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобный Отче наш!».

Александр Казем-Бек

ЖИЗНЬ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Келия преп. Серафима в Саровском лесу

Усердное народное почитание древних великих святых часто окутывает их память красивыми легендами и когда летописный материал беден или отсутствует, то автору жития порой бывает не под силу отделить в предании историческую быль от народного творчества. Не так обстоит дело с житием Преподобного Серафима Саровского. Прошло всего 120 лет со дня его кончины. Еще на нашей памяти умирали современники и очевидцы великого Старца. Летописи Саровского и особенно Дивеевского монастырей полны достоверных записей о его жизни и деяниях. Имеются подробные письменные воспоминания, многочисленных современных почитателей Святого и, наконец, сохранились записи, чудесно исцеленного Преподобным, Н. А. Мотовилова, записывавшего почти дословно свои беседы со Старцем*, а после его блаженной кончины, ездившего на его родину собирать биографический о нем материал.

Таким образом жизнеописание Преподобного Серафима является чисто историческим изложением, проверенным сопоставлением различных источников. За эти два-три поколения легенды о нем не успели сложиться, да и «надобности» в них не было при наличии столь обильного документального материала.

Часто, изучая жития святых, видим мы, как приходили многие из них к иночеству через пережитое несчастие или нравственный перелом. Святой Серафим, можно сказать, пришел к своему подвигу от чрева матери. Богоизбранничество его можно видеть с самых младенческих лет и проследить через всю его жизнь. Накануне переживаемой нами духовной катастрофы богоотступничества и терзания Святой Церкви, Господь послал в русский народ Своего избранника подкрепить, подучить, подготовить его к грядущим испытаниям. Предстоявшие бедствия Преподобный Серафим не скрывал от людей и, напротив, пророчествовал о них так же, как и оставлял надежду на дальнейшее спасение, ради народного Православия.

Преподобный Серафим вошел в Селения Праведных с венцом Преподобного Старца — устроителя жизни людской и прежде всего своей собственной жизни. По его подвигам документально нам известным, можно судить о жизни подвижников первых веков христианства, о которых мы часто имеем лишь скудные предания.

Святой Серафим, в мире Прохор Исидорович Мошнин, происходил из зажиточного купеческого рода и родился 19-го июля 1759 года в городе Курске. Отец его владел кирпичными заводами и брал подряды на постройку каменных зданий. Главной его работой было сооружение храма во имя преподобного Сергия Радонежского в Курске, воздвигнутого по планам знаменитого архитектора Растрелли. В 1833 году этот храм стал Курским кафедральном собором. Но не пришлось Исидору Мошнину довести эту постройку до конца и он умер в 1762 году. Умная, расторопная и богобоязненная вдова его Агафия взяла на себя веде-

* Эти беседы будут напечатаны вторично в «Единой Церкви».

ние дел покойного мужа и через 16 лет благополучно закончила построение Сергиевской церкви. Она же занималась и воспитанием осиротевшего трехлетнего Прохора. Попечение Промысла о богоизбранном ребенке проявилось, когда Прохору было всего 7 лет. Следуя за своей матерью на строящуюся колокольню, он оступился и упал с самого ее верха на землю. Однако, когда охваченная ужасом, мать сбежала вниз, то она увидала его стоящим целым и невредимым.

Когда пришло время, он с большой охотой и любовью принялся за изучение церковной грамоты, в котором, с его острым умом и прекрасной памятью, он весьма преуспевал. Но учение это скоро было прервано тяжелым недугом, внушавшим немалое беспокойство в его семье. Однажды он сказал своей матери, что ночью во сне ему явилась Пресвятая Богородица и сказала, что придет к нему и исцелит его. В этот день по той самой улице, где стоял дом Мошниных, крестным ходом несли чудотворную икону Курской Коренной Богоматери. Ударила гроза с ливнем и крестный ход завернул во двор Мошниных, чтобы укрыться от дождя. Мать Прохора поднесла больного своего сына приложиться к иконе, которую затем пронесли над мальчиком. Прохор сразу получил облегчение и вскоре совсем выздоровел.

Старший брат Прохора Алексей имел в Курске лавку и пытался приучить его к торговле, но к другому лежало сердце юноши. Он проводил дни в чтении священного писания и не пропускал ни одной церковной службы. Большое влияние на него имел один курский юродивый, имя которого, к сожалению, не сохранилось. Он окончательно укрепил Прохора в его духовных стремлениях и жизни.

Благочестивая мать Прохора отлично понимала, какое призвание влечет ее сына, что не жилец он в суете мирской и спокойно благословила его на иноческий путь. В ту пору Саровская обитель была хорошо известна в семье Мошниных, так как строитель ее Пахомий был сам из курских купцов и друг родителей Мошниных.

Но Прохор решил проверить свое решение советом опытных в духовной жизни людей и помолиться у мощей первых русских наставников монашества свв. Антония и Феодосия Печерских, а потому с пятью, увлеченными им сверстниками (из коих четверо окончили свою жизнь в иночестве), он отправился пешком в Киев.

В то время в Лавре славился своей жизнью и прозорливостью затворник-старец Досифей, которому Прохор и открыл свою душу и просил наставить его на правильный путь. Старец прямо указал ему на Саров, сказав: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие будет тебе во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанное призывание имени Божия».

Снежной дорогой, дремучим лесом шел молодой Прохор долгое время и вот 20-го ноября 1778 года в сумерках открылась перед ним на горе святая обитель, а монастырский колокол издалека уже звал его ко всенощной Богородичного праздника Введения во храм. Ласково принял его игумен Пахомий и поручил его монастырскому казначею старцу Иосифу.

Говоря о внешнем виде Прохора, известно, что он был большого роста, отличался крепким телосложением, большой физической силой и огромной выносливостью. Белокурый с синими глазами, он обладал красивым лицом с прямым тонким носом. Острый и совершенно исключительный светлый ум, обогащенный даром прозорливости помогал ему проникать, как в души человеческие, так и в тайны Божии. Редкий дар слова давал ему возможность с невероятной ясностью и художественной простотой выражать самые трудные и ускальзывающие от словесных выражений стороны духовных понятий и переживаний, а исключительная память позволяла цитировать целые страницы из Библии и учений святых Отцов. Ко всему этому надо прибавить еще смирение, кротость, ангельскую доброту и любовь к окружающим, а также всегдашнюю бодрость и радостность настроения и даже шутливый тон в обращении с людьми.

Послушание девятнадцатилетнего Прохора проходило в хлебне, в просфорне, в столярных работах, на лесной рубке. Искусно вырезал он художественные кипарисовые крестики. Затем нес послушание будильщика и пономаря. Всё это исполнял он очень добросовестно, но особое усердие проявлял он, как в церковной, так и в келейной молитве. Стоя перед иконами, он часами читал и Шестоднев св. Василия Великого, и беседы св. Макария, и Лествицу преподобного Иоанна, и Добротолюбие. Уже в этот период он отличался большим воздержанием как в пище, так и во сне. Он ел один раз в день, а по средам и пятницам вообще воздерживался от всякой пищи. Тогда же по благословению его старца, он стал, в свободное от послушания и церковных служб время, удаляться в лес для полной сосредоточенности и совершения тяжелого молитвенного правила св. Пахомия Великого.

В 1780 году Прохор заболевает тяжелой болезнью (вероятно водянкой) и три года не покидает больничной койки. Каким уважением пользовался уже тода в монастыре молодой послушник видно из того, что за ним ходил сам игумен Пахомий и некоторые другие старшие иноки. Но ему всё становилось хуже и о. Пахомий настойчиво предлагал обратится к врачу. «Я предал себя, святый отче, — отвечал ему Прохор, — истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и пречистой Его Матери. Если же любовь ваша рассудит, снабдите меня духовным врачеством». Об исцелении болящего были отслужены особо всенощная и литургия. Вся братия молилась за него. Он исповедывался и причастился. Вскоре последовало быстрое выздоровление. Лишь незадолго до своей кончины преподобный Серафим рассказал, как случилось исцеление.

Как и в детстве, к нему снова явилась Пресвятая Богородица в сопровождении апостолов Иоанна и Петра и, коснувшись рукою его головы, а жезлом его бока, Она сказала: «Этот нашего рода». Так совершилось исцеление, оставив на всю жизнь углубление в боку святого на месте прикосновения жезла.

В 1784 году на месте монастырской больницы была заложена церковь в честь свв. Зосимы и Савватия и послушник Прохор отправился по разным городам со сбором. Между прочим, побывал он тогда и в Курске. Мать его уже скончалась, а брат Алексей дал ему крупное прожертвование. Преподобный всю свою жизнь с особой трогательной любовью относился к этому храму; там чаще всего он причащался; там же в алтаре стоял сооруженный им в молитвенную и благодарственную память за исцеление кипарисовый Престол. У этого престола в последний раз 1-го января 1833 года причастился святой Старец и из этого храма 70 лет спустя торжественно были перенесены его прославленные мощи в главный монастырский Успенский Собор.

Так подготавливал себя к ангельскому житию юный послушник и, наконец, настал долгожданный день. 13-го августа 1786 года он был отцом Пахомием пострижен в иночество с именем Серафима. Восприемными отцами его были старцы Иосиф и Исаия. Осенью того же года епископ Владимирский Виктор рукоположил его во иеродиакона. Теперь наступили дни исключительной ревности о храме Божием, из которого он уже почти не выходил.

Агиология показывает нам, что многие из подвижников сподабливаются чудесных видений для увенчания своей святой жизни. Но не для увенчаняи, а для укрепления на дальнейшие подвиги и мученичество удостоился Преподобный видения даже самого Христа.

Это случилось на литургии в Великий Четверг. Когда после малого входа и паремии иеродиакон Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивые, и услыши ны», — и, подняв над народом орарь, закончил: «и во всеки веков», он изменился в лице, не мог ни произнести ни слова, ни даже двинуться со своего места. Его под руки ввели в алтарь, где он три часа простоял, не в состоянии промолвить слово. Когда он пришел в себя, то рассказал служившему игумену Пахомию и своему старцу Иосифу что видел: «...Меня озарил луч как бы солнечного света и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе, сияющего неизреченным светом, окруженного небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, как бы роем пчелиным и от западных церковных врат грядущего на воздухе... Я же — земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу». Опасность гордости была советами обоих старцев пресечена и с этого дня Преподобный еще усерднее стал подвизаться в смирении и самоуничижении.

2-го сентября 1793 года в Тамбове Тамбовским епископом Феофилом отец Серафим был рукоположен во иеромонаха. Год продолжалось ежедневное церковное служение, но душа его продолжала искать полного пустынножительства и вот перед смертью игумен Пахомий благословил

Святые врата Саровской Пустыни

тридцатипятилетнего инока итти в пустыню. Отец Серафим не покидал своего умирающего наставника, усердно ухаживал за ним и только после кончины его в ноябре 1794 года ушел в свою лесную келию, которая находилась в пяти верстах от монастыря в дремучем сосновом лесу на берегу реки Саровки.

Теперь начинается отшельнический подвиг Преподобного. Это есть полное погружение в думу о Боге и непрестанная молитвенная с Ним беседа. В келии, кроме большого образа Умиления Пресвятой Богородицы, находился стол, обрубок дерева вместо стула и куча камней, служившая постелью Преподобного. Одежда его зимой и летом была одна и та же: белый балахон — подрясничек, лапти, камилавка, на груди большой медный крест — благословение матери, с которым он никогда не расставался, и на спине мешок с камнями. «Томлю томящего мя», — объяснил он причину ношения этого рода вериг. В свободное от молитвы и чтения время, он работал на огороде, который удобрял, приносимым из болота мхом, а по субботам шел в обитель ко всенощной и причащался у ранней обедни. Пищей его был хлеб, который он приносил с собою из монастыря и которым делился с дикими зверями, и овощи. Вскоре он вообще прекратил брать хлеб, а последние три года питался одной травой «сниткой», о чем перед своей смертью рассказал одной дивеевской монахине: «Ты знаешь снитку? Я рвал ее, да в горшечек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы — славное выходит кушанье».

Различные места лесной чащи он называл именами святых мест Палестины. Там был и Иерусалим, и Вифлеем, и Голгофа, и Иордан. Молясь на этих местах, он мысленно переносился в Святую Землю. Быть может, рассказы иеромонаха Мелетия, саровского инока, как раз в эти годы (1793-1794) посетившего Святой Град и его окрестности, были причиной этих молитвенных странствований преподобного по воображаемой Святой Земле.

Духовные сила и святость Преподобного в это время ощущались уже не только людьми, но и зверьми, которые приходили к нему и ему повиновались. Есть записанные рассказы очевидцев, шедших к нему и в ужасе останавливавшихся, видя, как святой кормит из рук огромного медведя. Заметив испуг посетителя, Преподобный приказывал медведю уйти и тот сейчас же скрывался в лесной чаще.

Подвиг пустынножительства один из самых трудных видов подвижничества. Он связан с большими лишениями и воздержанием. Жуть и ночной страх в осеннюю и зимнюю непогоду в полном одиночестве приводит отшельника к страшным искушениям. Злая сила, которая борется всюду против роста добра, изнуряла его страшными привидениями. К этому присоединялась и внутренняя брань с хульными помыслами. Преподобный в молитве искал спасения день и ночь и тут его постигло худшее испытание, ниспосылаемое подвижникам ищущим совершенства в пустынножительстве, — настало полное Богооставление. Сам Христос пережил его на кресте, как последнее душевное страдание. И святой Серафим прошел через это испытание и победил его непрестанной молитвой.

Однажды в лесу напали на него два разбойника, стали бить его и требовать денег. Обладая большой физической силой и вооруженный топором, которым он рубил дрова, Преподобный мог легко отбиться от нападавших, но он опустил топор, сложил руки и отдался на истязание. Обухом его же собственного топора били злодеи его по голове, били поленьями и, упавшего, стали топтать ногами. Его притащили без сознания к его келии и всё в ней перерыли и переломали; не найдя, однако, ничего кроме иконы Умиления и немножко картофеля. Это случилось 12-го сентября 1804 г. Придя в себя, Преподобный только к следующему утру во время литургии добрался до обители. Волосы его бороды и на голове слиплись в запекшейся крови. Было выбито несколько зубов, окровавленная одежда припеклась к ранам тела. Восемь дней он не мог даже выпить глотка воды, ни сомкнуть глаз от невыносимой боли. Приехавший из Арзамаса врач засвидетельствовал, что голова проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, по телу смертельные раны. В обители ждали его смерти. Во время докторского осмотра отец Серафим забылся и снова увидел Царицу Небесную с апостолами Иоанном и Петром. В тот же вечер он, ощущая необычную духовную радость, почувствовал и физическое облегчение и в первый раз попросил пищи и поел хлеба с квашеной капустой.

Через пять месяцев он вернулся в свою лесную «пустыньку». Понесенные страдания оставили на его теле навсегда отпечаток: он сильно сгорбился и не мог ходить, не опираясь на палку или на свой топорик. Об обидчиках своих, Святой не только молился, но когда случайно они были обнаружены, то он не остановился даже перед угрозой уйти из обители и навсегда покинуть край, если они подвергнутся какой-нибудь каре. Так закончил он свой подвиг мученичества, но нет предела для совершенства и к новым подвигам стремилась душа Преподобного.

На полпути от обители к лесной келии стояла большая гранитная скала. Сюда каждую ночь стал приходить Преподобный, простаивая до утра на коленях с поднятыми вверх руками, повторяя одну и ту же молитву мытаря: «Боже, милостив буди мне грешному!». Утром возвращался он в свою келию, посреди которой он поставил большой камень, и на этом камне продолжал свою молитву до вечера. Тысячу дней и ночей продолжался этот подвиг «столпничества» 1804-1807 года, о котором он сам говорил, что если бы не было ему помощи благодати, то сил человеческих не хватило бы.

(Продолжение следует)

А. Путятин

ХРОНИКА ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

ХРАМОВОЙ ПРАЗДНИК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Интересна, поучительна и русскому человеку особенно дорогá история небольшой православной церкви в гор. Вильнюсе во имя святой великомученицы Параскевы-Пятницы.

По сведениям литовских летописцев, это «первый каменный храм истинного Бога, воздвигнутый в литовской столице и земле» (Хроника Лодзяты-Нарбут, т. I, стр. 231). Православные называют ее «матерью» виленских церквей.

Построен храм в 1345 г. первой женой литовского великого князя Ольгерда — русской княжной Марией Ярославной (Витебской) на месте, где стояло капище литовского идола Рагутиса. Церковь эта была придворной и сгруппировала вокруг себя образовавшуюся в Вильне русскую колонию.

В продолжение шестисотлетней своей истории храм много пережил: несколько раз горел, годами был в запустении, в развалинах, восстанавливался любовью православных, отнимался от них интригами иезуитов и передавался униатам. Униаты владели храмом, но не возобновляли его. Православные дорожили и самыми священными развалинами церкви и ходили на поклонение гробу Марии Ярославны, похороненной в этой церкви.

В 1655 г, когда Вильна находилась под властью царя Алексея Михайловича, Пятницкая церковь была возвращена православным и восстановлена.

В Пятницкой церкви не раз молился Петр Великий, проживавший некоторое время в Вильне (в 1705 и в 1708 гг.) во время войны со шведами. Он подарил Пятницкому храму отнятые у шведов знамена, крестил в ней деда великого русского поэта А. С. Пушкина — Ганнибала.

В 1865 г. церковь приведена в благолепный вид трудами и заботами Митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) и стала военной, обслуживая религиозные нужды воинов Виленского гарнизона. При правлении в Польше Пилсудского Пятницкая церковь была приписана к соседнему Николаевскому храму и богослужения в ней совершались чрезвычайно редко. В это же время от Пятницкой церкви была отрезана и уничтожена большая часть ее погоста (церковь стоит на возвышенном месте), где было древнее кладбище русских людей. Впоследствии Пятницкий храм был передан в ведение Виленской Белорусской гимназии и богослужения в ней стали совершаться по воскресным и праздничным дням.

Нормальная церковно-приходская жизнь при Пятницком храме восстановилась только тогда, когда наша епархия вошла в юрисдикцию Московской Патриархии. 21 мая 1941 г. при Пятницкой церкви открыт православный приход и назначен настоятель.

Но Господь послал Пятницкому приходу еще одно великое испытание.

Во время последней пронесшейся над нашим городом военной бури, дерзкая рука безумного фашиста бросила в окно церкви зажигательную бомбу. Начался пожар, и внутри храм частично выгорел: сгорели деревянные хоры (они занимали всю западную, а также северную и южную стены церкви), помещение ризницы, был значительно поврежден иконостас; сгорела также церковная крыша. Была повреждена и колокольня.

Печальное зрелище являла собою древняя православная святыня. Но не оставили ее верующие люди: богослужение там не прекращалось, хотя, бывало, молящиеся стояли в ней под дождем. Так прихожане страдали несколько лет, собирая скудные средства на капитальный ремонт своей святыни, Но лишь благодаря щедрой помощи Московской Патриархии, оценившей историческое значение Пятницкого храма, он был капитально реставрирован и благолепно украшен. Приведена в должный вид и колокольня.

Теперь и снаружи и внутри храм производит прекрасное впечатление.

В наружных стенах храма особенно рельефно выделяются памятные мраморные доски, с знаменательными надписями. На одной доске начертано: «Православная церковь сия есть первая каменная святыня в Вильне. Она сооружена на месте языческого капища идола Рагутиса в 1345 году, супругою великого князя Литовско-русского Ольгерда, Мариею Ярославною, княжною Витебскою, и посвящена св. великомученице Параскеве, нареченной Пятнице». На другой доске: «В сей церкви император Петр Великий в 1705 г. слушал благодарственное молебствие за одержанную победу над войсками Карла XII, подарил ей знамя, отнятое в той победе у шведов, и крестил в ней африканца Ганнибала, деда знаменитого поэта нашего А. С. Пушкина».

Давно уже стены древнего Пятницкого храма не видели такого множества молящихся: еще до начала всенощного бдения они переполнили храм до тесноты. К всенощному бдению прибыло всё городское духовенство. Стройно, одушевленно пел местный хор, торжественно шла служба. Прочитан был и акафист св. великомученице Параскеве. Только в одиннадцатом часу вечера закончилась служба. Торжественно была совершена и Божественная литургия в самый день праздника. Несмотря на то, что день был будничный, церковь была переполнена. В положенное время одним из городских пастырей было произнесено слово, посвященное историческим судьбам Пятницкой церкви в связи с судьбами святого Православия в Литве.

Храмовое торжество в настоящем году усугубилось еще и тем, что настоятель Пятницкой церкви, протоие-

рей Владимир Гаврилов в этот день праздновал двадцатипятилетие своего священства. Он много потрудился при обновлении храма, причем личным своим трудом иногда участвовал в ремонтных работах, подавая добрый пример редкого усердия к благолепию Дома Божия.

Перед началом молебна была оглашена присланная юбиляру приветственная телеграмма управляющего Литовской епархией, архиепископа Филарета, а по окончании молебствия присутствовавшие в храме прихожане один за другим в трогательных выражениях приносили свои поздравления любимому настоятелю храма.

Прот. И. Дзичковский

MY GROWTH TOWARD ORTHODOXY

By

CHRISTOPHER KOTHE

In these days, when the Orthodox Catholic Church in the United States is struggling to unite its national Churches and exert the profound influence on Western life which it should, as Christ's own undivided Church, the difficulties are, as many Orthodox fully realize, great and perplexing. The task for the Orthodox Church, that of overcoming the ignorance of most Westerners of herself and the utter indifference of a great number of them to Christianity itself, is such a difficult one to appraise, that a knowledge of the reactions of non-Orthodox upon their discovering of and becoming familiar with Orthodoxy is, I feel, important for all Orthodox, both clergy and laity, who wish to help extend the influence of the Orthodox Church in the Western world, and thereby assist it to become, in time, the dominant religious influence in the West, as well as it is in the East.

It is for these reasons that I felt that a story of myself, who recently entered the Orthodox Church, in my gradual growth toward Orthodoxy, would perhaps be of interest to many Orthodox. Hence, what follows is a brief spiritual autobiography to the time I entered the Church, a few months ago.

***

I was born January 23, 1932, of middle-class parents in New Jersey. My father was an engineer. My mother had been baptized Dutch Reformed, and my father Episcopalian, but neither of my parents practized any faith, and their attitude toward Christianity and religion in general was largely that of indifference, mixed with some dislike. I attended grade and high school, and, from my eighth year on, studied the piano intensively, with the idea of becoming a concert pianist, a project I abandoned in my sixteenth year.

Since I had never received any religious education of any kind, not even having been baptized, my attitude toward religion was the same as that of my parents. However, when I went to preparation school for a year, directly after high school, my ideas began slowly to change. Through several of my courses in history and English, taught by very perceptive instructors, I became more deeply aware of what was going on in the world at the present, and of the general demoralization and lack of principles which were largely the result of the great depression and the two World Wars, plus the "cold war" which we are now in the midst of.

My eyes opened wider in respect to my own community, which was essentially Protestant in thought and background. I saw there the same over-tension, lack of common sympathy, lack of a deep common spirit, and general religious apathy. In my studies I became aware that most of the trouble lay in the fact that these people had no real philosophy which would give them in their eyes and their neighbors' eyes a vital place in their community, in the world, and in the universe. I realized, to my amazement, that this much-needed philosophy was the same thing as religion.

Now, if someone told these worthy citizens that they lacked a vital religion they would be shocked and would argue that they go to church every Sunday: how could they possibly be without a vital religion? But unfortunately, going to church every Sunday and possessing a vital faith are not necessarily the same thing, as I discovered.

When most of these citizens go to church, they enter a wood or stone building, the inside of which is usually painted brown or gray, with no pictures of scenes from the Scriptures, or decorations of any kind. The people sit in pews, and in front of them is a speaker's platform, from which the minister talks to them for an hour on passages from the Bible and their good example, which the people assembled ought to follow in their daily lives. Sometimes, if the minister is an imaginative person, his talk will be interesting, sometimes it will not. Nevertheless, this same essential pattern, which I have just outlined, repeats for these people each Sunday, for fifty-two weeks of the year, year in, year out. For someone who has never attended such an average Protestant service, I could most nearly liken it to a school commencement exercise, which repeats, on a different subject, each Sunday. At the end of the service, the people sing a few hymns, accompanied by an organ, and then leave.

These citizens' conception of a church is not at all that of a place where, when people gather to perform a set of actions or ritual which God has given them, God bestows on those people a unique and special grace *through these actions*, a grace which binds the people to God and to each other. But rather, these citizens feel that a church is a place where a trained man, a clergyman, speaks to the people *about* God, and about what they should do to make their lives what God would like. Obviously, this latter conception believes God to be passive, whereas the first believes Him to be active.

I felt that this last point was perhaps the core of the matter. For it seemed to me that the considerable majority of Protestants, notwithstanding their verbal statements to the contrary, philosophically conceive God to be passive. This quite naturally leads them to feel that God is not too interested in men, and eventually they logically come to believe that God does not and cannot exercise much real influence within men's lives.

It is interesting to trace the next logical step in their thinking, a step which, fortunately, very few Protestants can bring themselves to take. If God exercises little or no influence over men's lives, how can men really know that He exists at all? While most Protestants would shy away in horror from such a conclusion, there is a good degree of evidence that an increasing number of their children are becoming completely indifferent and are doubting the existence of God entirely. Such is the remorselessness of the Protestants' own logic, in which they are finding themselves and their children more and more enmeshed.

Many Protestant groups are trying (with some desperation, one can feel) to improve this distressing situation by emphasizing the Bible's models of charity, by organizing social welfare societies, by creating youth groups to interest and hold the younger generation. Yet the basic difficulty remains, and increasingly saps the vitality of Protestantism and of much of modern religion as a whole, which cannot help but be influenced considerably by Protestant trends.

In all of this, the question I kept asking myself was: is there a religious philosophy which conceives God to be active in giving men help to draw closer to Him, and which would thereby avert the dry rot that is creeping through so much modern religion? I began to search.

I investigated Roman Catholicism, which, I found, definitely views God as working through certain ritual to give men His grace to bring them closer to Himself. Roman Catholicism considers that God ordains certain individuals to administer His grace through the ritual to all believers. Nevertheless, I found a strong tendency in Roman Catholicism to confuse God, either intentionally or unintentionally, with the ordained individuals administering His grace, and to delegate this power of grace, which really belongs to God alone, to these individuals. This confusion gives the individuals far more power than they ought to have, and thereby weakens the very notion of the divinity of God. This naturally produces a situation which, in some respects, is as deplorable as the Protestant dilemma outlined above.

I investigated Protestant Episcopalianism, which, I found, is fuller in its concept of God than most of Protestantism or Roman Catholicism, but still weakend by Protestant conceptions.

At this point I was faced by a dilemma which confounds many today: is there any Christian group existing which preserves the balance, fullness, and vitality of Apostolic Christianity, or, when Christ said to His Apostles, "Lo, I am with you even unto the end of the world," was He mistaken? Rather than accept the latter answer, I sought even more.

Gradually, through reading and speaking with people who were informed, I came to learn of Orthodoxy. In my reading of Orthodox writings, I began slowly to realize a certain feeling of the immanence of Christ in the world, in humanity, and in individuals. Gradually I perceived the activity of Christ in each and all of His faithful, His Church, crowned by His granting them His grace through the sacraments which He gave for them to perform. I felt that perhaps the philosophy, the attitude which I sought was here. As my experience widened, that feeling gradually deepend into conviction, and, after a few months' instruction, I was baptized and received into the Orthodox Church.

As an example of that spirit of which I just spoke, when I re-read the Gospel of St. John in the light of Orthodox concepts and insights, I fully realized, for the first time, what an incomparable philosophical masterpiece that work is and how central is its importance to Christianity. The majority of Roman Catholic and Protestant exegeses of the Johannine Gospel have quite failed to plumb the heart of the work, as the Orthodox have.

It seems to me, upon reflecting again on Protestantism and Roman Catholicism in contrast to Orthodoxy, that, in the centuries past, much of the light has gone out of Western Christianity. There are many thousands, indeed, millions today who need Orthodoxy for their peace and their hope. Yet, Orthodoxy is quiet, and, on the whole, does not proclaim its message to the world. I feel that it should spread Christ's message. For there are many who "walk in darkness" today, and to whom Orthodoxy might bring Christ, "the true Light, which lighteth every man that cometh into the world."

Printed by RAUSEN BROS., 417 Lafayette St., New York 3, N. Y.